

С каждой минутой прорывавшихся в брешь циских воинов становилось всё больше, и защитники Монона начали сдавать позиции. Комендант западных ворот, ломая голову над тем, что делать, при виде гонца с донесением даже забыл о приличиях: схватив того за шиворот, он проревел:

— Где подкрепление с южных ворот? Почему они до сих пор не здесь?

Гонец, обливаясь потом от страха и спешки, пробормотал:

— Комендант южных ворот сказал, что они уже в пути, вот-вот будут!

Комендант западных ворот с досадой вздохнул:

— Ты! Ступай и подгони их ещё раз!

В конце концов, он не выдержал, выхватил саблю и выскочил из караулки. Едва поднявшись на стену, он услышал очередной клич циской армии. Глядя на чернеющее внизу море врагов и на своих изможденных, израненных солдат, этот суровый муж вытер лицо и крепче сжал рукоять сабли:

— Братцы! Будем биться до последнего!

За городскими стенами Ду Лан, глядя в подзорную трубу, отметил:

— Похоже, время пришло. Передайте генералу Ван Сяовэю: можно начинать генеральный штурм.

Ван Сяовэю, державшемуся на передовой со своей пехотой, приходилось нелегко: бои шли не на жизнь, а на смерть. Был полдень, обе стороны изрядно вымотались, и его люди, сражавшиеся в авангарде, остались без обеда. Однако несколько сотен циских солдат уже прорвались в брешь западной стены, и отступать было поздно. В тот момент, когда Ван Сяовэю показалось, что силы на исходе, к нему подоспел офицер связи Ду Лана с приказом.

— А Ду Лан-то оказался парнем сообразительным! — Ван Сяовэю погладил бороду, а взглянув назад, и вовсе просиял: — И к тому же не из робкого десятка! Следом за приказом идет подкрепление. Ха-ха, как нельзя кстати!

— Бейте в барабаны! Генеральный штурм! — скомандовал Ван Сяовэю своим воинам.

— Бейте в барабаны! Генеральный штурм! — едва первая волна двинулась вперед, Ду Лан отдал приказ всему войску.

— Авангард пошел, — Ду Цихуань, не мигая, смотрел на крепостную стену. — Генерал, пора!

Ван Юньи на мгновение задумался:

— Всем слушать приказ! Бейте в барабаны! Генеральный штурм!

В одно мгновение земля содрогнулась. Стотысячное войско, словно прилив, хлынуло к воротам. Цисские солдаты, уже валившиеся с ног от усталости, услышав гул барабанов, будто обрели второе дыхание и бросились в бой с удвоенным рвением. Мононским защитникам пришлось куда хуже: даже комендант лично вступил в схватку с саблей в руках, но сдержать этот непрекращающийся людской поток было невозможно. Подкрепление с южных ворот всё не появлялось, и с каждым мгновением надежда таяла.

На пятый день обороны линия фронта окончательно рухнула. Ворота, взорванные прорвавшимися внутрь цисцами, превратились в щепки, комендант погиб в бою, а остатки гарнизона отступили в лабиринты городских переулков.

— Генерал Ван, когда мы войдем в город? — Ду Цихуань не смел даже перевести дух.

— Не спеши. Мы войдем вместе с арьергардом, сейчас еще слишком рано, — Ван Юньи потер покрасневшие глаза.

Жители города охватила паника. Раньше, когда ворота были заблокированы, они мало что знали о происходящем, полагая, что провизии у гарнизона в достатке и нужно лишь переждать несколько дней. Но не успели они доесть свой обед, как с западной стороны донеслись крики, от которых кровь стыла в жилах. Поначалу кое-кто из горожан подхватил этот вой, но город был велик, и к тому времени, как цисские отряды прошли мимо их домов, большинство людей уже попрятались по своим жилищам, наглухо заперев двери.

К удивлению многих, солдаты не врываются в дома и ничего не грабили. Они спешили по своим делам, направляясь к одной цели — королевскому дворцу.

Мононскому королю, можно сказать, выпала удача в несчастье: он выбрал тайную тропу и разминулс с основными силами цисцев. Но едва он успел перевести дух, как его настигла другая беда — он столкнулся с небольшим отрядом конницы, сбившимся с пути.

Цяо Юньшэн улыбнулся.

Хотя стрелять он не решился, но молчаливо позволил своим людям сделать всё остальное. Когда с охраной было покончено, Цяо Юньшэн внезапно сделал вид, что опомнился, и, указывая на застывшего в оцепенении мононского короля, закричал:

— Остановитесь! Разве это не Его Величество король Монона? Какая оплошность! Какая грубая ошибка!

На его лице сияла невероятно искренняя, полная раскаяния улыбка.

И правда, удача в несчастье: если бы мононский король встретил не Цяо, который после

перехода через заснеженные горы мечтал перебить всех мононцев до единого, его бы не ждала такая участь — остаться в полном одиночестве, потеряв всех своих людей.

К закату столица наконец погрузилась в тишину. Западные ворота были полностью разрушены, коменданты западного и северного секторов погибли в бою, главный комендант покончил с собой. Королевский дворец был плотно окружен цискими войсками, а все военные лагеря внутри столицы захвачены.

Теперь в Силин-Голе, кроме обычных горожан, почти никого не осталось.

— Тот комендант с южных ворот сбежал... — Ду Цихуань потер шею.

— Шустрый малый, — отозвался Ван Юньи. — Хватит бездельничать, последним входить в город — позорно.

Ду Цихуань неохотно прищипорил коня:

— Король Монона пойман, город пал... Дело сделано, пусть хоть обсмеются.

— Ничего ты не понимаешь! Думаешь, местная знать — это просто так? — Ван Юньи вытаращил глаза. — Даже не думай лениться!

— И правда нужно идти к этой принцессе? — Ду Цихуань был явно недоволен. — Что за старшая принцесса такая? Какая важная птица! Город пал, кто теперь будет её слушать?

— Она — воплощение живого Будды! Не стоит недооценивать этот статус, сейчас нам нельзя идти с ней напролом.

— Пусть идет Вэй Чи! — глаза Ду Цихуаня хитро блеснули. — Этот парень ворвался в город быстрее всех! Хе-хе, доказал, что пороха в пороховницах еще полно. Раз энергии хоть отбавляй — пусть и работает! Самое то!

Ван Юньи задумался:

— Он слишком молод. Хотя парень он толковый, но всё же не хватает ему выдержки...

Ду Цихуань с ехидной улыбкой выудил откуда-то бутылочку и потряс ею перед носом Ван Юньи.

— Впрочем... для него это будет отличной закалкой! — подытожил Ван Юньи.

Жители Силин-Гола были удивлены: эти циские солдаты, проделавшие такой долгий путь,

похоже, вовсе не собирались грабить город. Если не считать взорванных военных лагерей, ни жилые дома, ни даже королевский дворец не пострадали. После тревожной ночи на следующее утро жизнь, казалось, вошла в прежнюю колею. Из-за многодневной блокады запасы дров подходили к концу, и многие молодые люди, набравшись смелости, погнали воловьи упряжки за город, чтобы нарубить дров. Все пробирались тайком, гадая, как выбраться, но у ворот их ждал сюрприз: ворота никто не охранял!

Но еще большее изумление ждало их впереди: циские войска сняли оцепление даже с королевского дворца. Тот самый генерал Ван, который еще вчера нещадно бомбил город, теперь с глубоким почтением кланялся мононскому королю, твердя:

— Циское государство прослышало, что уважаемый мононский король решил в одностороннем порядке прекратить поставки скота в Великую Ци, вот наш император и послал меня узнать...

Горожане выдохнули: оказывается, они пришли не воевать, а торговать. Ну, тогда можно возвращаться к делам.

Купцы, услышав, что это не война, а торговые переговоры, были в шоке: как так? В этом году не будет сделок по скоту? Кому теперь продавать припасенные стада, если не этим простакам из Ци? Разорение!

Местная знать была в ярости: Ван Юньи, ты притащил сотысячную армию, чтобы спрашивать о торговле скотом? Даже если врешь, хоть немного правды добавь!

Нет, Ван Юньи не собирался придерживаться правды, да и горожанам с купцами она была не нужна.

Чтобы поскорее сбыть скот, циские войска вошли в город, и уже через три дня рынки Силин-Гола зашумели вновь, а улицы наполнились зловонием от десятков тысяч голов скота.

Мононские министры притихли. Сейчас оставалось только ждать, ведь у Монона оставался один шанс, и всё зависело от позиции лишь одного человека.

Дворец старшей принцессы находился недалеко от королевского, и, хоть он не был таким огромным, это было самое красивое здание в столице.

Молодой человек в одежде циского чиновника с любопытством осматривался перед входом, восхищаясь белыми колоннами, изящной резьбой и золотыми доспехами стражников.

Молодой стражник под таким взглядом чувствовал себя неловко, но задираться к цисцам не решался. Игнорировать назойливого гостя тоже не получалось, и он не выдержал:

— Эй!

— А! — молодой чиновник, который в этот момент внимательно разглядывал замок на воротах, вздрогнул. Вспомнив зачем пришел, он достал из-за пазухи документ.

Стражник, взглянув на бумаги, не знал, смеяться или плакать: это было срочное послание из королевского дворца, а этот человек околачивался у ворот уже полчаса.

— Вэй Чи? — Созрхахан, увидев, что слуга привел гостя, не скрывает удивления.

— Так точно! Госпожа Цицигэ, — Вэй Чи отвесил глубокий, нарочито вежливый поклон.

Созрхахан просмотрела документ, презрительно усмехнулась и бросила его на пол:

— Ступай обратно к своему генералу Вану и передай: если хочет видеть меня, пусть пришлет кого-то чином повыше! Пятиранговых чиновников я не принимаю.

Вэй Чи, не поднимаясь с колен, продолжал ломать комедию:

— Генерал Ван сказал, что хоть я, Вэй Чи, временный военный советник, и имею низкий чин, зато голова у меня светлая, язык подвешен, я полон рвения, умею быть гибким, глубоко понимаю долг и обладаю как талантами, так и добродетелью...

Созрхахан вздохнула:

— Мои слуги понимают по-китайски...

Парень, распростертый на полу, слегка вздрогнул и замер.

Созрхахан махнула рукой, и все, кто был в комнате, вышли вслед за служанкой. Услышав, как закрылась дверь, Вэй Чи вскочил на ноги:

— Дайте воды! С самого утра, как увидел генерала Вана, ни капли во рту не было!

Он сам нашел чашку и принялся пить.

— Господин Вэй, вы пришли ко мне только ради того, чтобы попить воды?

— Госпожа Цицигэ... с сегодняшнего дня я совмещаю должность цензора... А это значит, что все документы, которые вы подаете Великой Ци, будут проходить через мои руки... — Вэй Чи довольно покачивал головой.

— Я уже сказала: пятиранговых чиновников не принимаю. Если хотите получить от меня документы, пусть пришлют кого-то поважнее! — холодно отрезала Созрхахан.

— Хе-хе, — Вэй Чи глуповато улыбнулся. — Знаете, что мне сказал генерал Ван, когда отчитывал меня всё утро?

— Он сказал, — Вэй Чи сделал паузу, — что должность цензора — это пост третьего ранга, но в нынешних особых обстоятельствах я буду совмещать её. Я было начал кланяться и отказываться, но генерал Ван схватил меня за руки и со слезами на глазах признался: та таинственная женщина, которую я спас в горах Икэчжао, вовсе не дочь купца, а сама старшая принцесса Монона!

Соэрхахан по-прежнему была холодна:

— О, и что же ты ответил?

Вэй Чи нашел себе место и сел:

— Я, Вэй Чи, был потрясен до глубины души, отступил на три шага, ухватился за стул, чтобы не упасть, долго размышлял, а потом воздел руки к небу и воскликнул: Какая оплошность!

Соэрхахан не выдержала и, прикрыв рот рукой, тихо рассмеялась.

Увидев, что она улыбнулась, Вэй Чи вздохнул, поставил чашку и подошел к её столу, склонившись вперед:

— Силин-Гол пал. Вы очень встревожены?

Соэрхахан снова помрачнела и промолчала.

— Кроме тех, кто был с оружием в руках, армия Вана не учинила кровавой бойни... Знаете, каждый раз, когда Монон вторглся на границы Великой Ци, они вырезали целые города... — Вэй Чи выпрямился и снова вздохнул.

— Значит, я должна быть вам благодарна? — Соэрхахан тоже выпрямилась.

— Никогда не говорите сгоряча, — Вэй Чи равнодушно отвел взгляд. — Я знаю, генералу Вану нужно от вас кое-что кроме золота и серебра. Монахи, министры, знать Монона — все молчат только потому, что ваша позиция неясна. Раз у вас еще есть такие силы, чтобы противостоять нам, не упускайте этот шанс... А то, что я стал цензором, по крайней мере, облегчит вам жизнь, не так ли?

— Что еще Ван Юньи пообещал тебе? — Соэрхахан впиалась взглядом в лицо Вэй Чи.

— Вы что, с ума сошли от ударов? Я его подчиненный, делать для него работу — мой долг, — глаза Вэй Чи были чисты.

Соэрхахан холодно усмехнулась.

— Я лишь надеюсь, — Вэй Чи тоже усмехнулся, — я лишь надеюсь, что Силин-Гол не будет вырезан. По крайней мере, не из-за вас.

— Ступай на свое место! — Соэрхахан слегка подтолкнула его.

Вэй Чи смягчился и кивнул, но не пошел садиться, а принялся бродить по комнате: то тронет золотую чашу, то дернет занавеску. Он всегда жаловался, что солнце в Силин-Голе задерживается на небе слишком недолго. Сейчас был полдень, Вэй Чи, сытый и довольный, выбрал самую толстую и широкую подушку, перетащил её на солнечный свет и, развалившись, принялся вертеть в руках лаковый шкатулку, взятую со столика. Вскоре его начало клонить в сон. Он отложил шкатулку в сторону и уже собирался сползти с подушки, как почувствовал, что за его спиной кто-то присел.

— Вернись и скажи генералу Вану, что завтра я устрою большой пир. Придет вся знать Силин-Гола, пусть пришлет своих доверенных людей. Дальнейшие шаги я тоже обдумаю. А что касается нашего короля... передай, пусть не забывает о своих обещаниях.

Вэй Чи перевернулся:

— Это всё?

— В основном, да.

— Хорошо, я как можно скорее передам вам ответ, — Вэй Чи отряхнул одежду и собрался уходить, но, сделав несколько шагов, не выдержал, вернулся и вытер слезы с лица Соэрхахан: — Я теперь живу в Хута-Ясы за дворцом, если захотите меня видеть, пришлите кого-нибудь.

— Хорошо... — Соэрхахан кивнула.

Когда он ушел, она не стала подниматься, а так и осталась лежать на подушке. Казалось, всё тело вот-вот рассыплется, и сон, который не шел к ней несколько дней, наконец вернулся. Охваченная ленью, она вздохнула и улеглась в углубление, оставленное гостем, и вскоре крепко уснула.

<http://bllate.org/book/21780/2252234>